Хлоя Орнус

Проект «Когда не было гаджетов»

Книга 1

Из вагантов

Хлоя Орнус

Проект «Когда не было гаджетов». Книга 1. Из вагантов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69467023
SelfPub; 2023

Аннотация

Кто-то сказал, что не бывает женской дружбы. А вдруг и правда, не бывает… Интересно узнать, что связало вчерашних школьниц, сегодня ставших студентками.Разве наша жизнь не фантастическая реальность? В жизни всегда найдется место приключениям. А в любое путешествие лучше отправиться с настоящими друзьями.

Хлоя Орнус
Проект "Когда не было гаджетов". Книга 1. Из вагантов

«Здравствуй, университет,

мудрости обитель!

Здравствуй, разума чертог!

Пусть вступлю на твой порог

с видом удрученным,

но пройдёт ученья срок, —

стану сам учёным.»

Латинская песня вагантов в вольном переводе Льва Гинзбурга

– Лина, я не буду это есть! – лицо у Жеки обиженно вытянулось, когда на глаза ей попалась пустая консервная банка из-под скумбрии в масле, картофельные очистки, луковая шелуха и шипящая на плитке кастрюля.

– Тем проще! – ответила я.

За месяц студенческой жизни гурманские наклонности моей подруги были практически истреблены. Евгению я знаю как себя, с первого класса мы тянули школьную лямку. Я, Романовская Полина, считала себя закаленной натурой в любой бытовой ситуации, так как дома старшая сестра не позволяла править бал, и все мои капризы заканчивались раньше, чем успевали вырваться наружу. Жека, Женя, Женечка! Единственная доченька своих родителей, спортсменка, комсомолка, отличница и просто красавица! К моменту поступления в высшее учебное заведение питалась Жека исключительно маменькиными котлетками, пюрешками, домашними печеньями, вареньями и соленьями. Но, мой «кулеш из топора» за считаные недели победил все кулинарные шедевры Жекиной матушки. Голод – не тётка! Осталась самая малость – поставить к плите саму Жеку!

– Лин, а Лин, посуду я мою? – жаль было разрушать сытое Женькино умиротворение, но уговор дороже денег!

– Мур! – лениво отозвалась я, – давай помогу посуду отнести. Тебе «пчих колибри» взять?

«Пчихом колибри» мы называли вьетнамские сигареты с непроизносимым названием. Приличные сигареты в начале

80-х, да еще на периферии нашей необъятной родины достать было непросто. Выкурив этот вьетнамский самосад, насморк снимало как рукой. Таким образом, «пчих колибри» приравнивался к лекарственному препарату в период осенней непогоды, в ожидании отопительного сезона и новостей на табачном рынке.

* * *

Заканчивался сентябрь. Студенческое общежитие гудело и пухло. В «целовальниках» на всех этажах можно было круглосуточно слушать баллады о любви, родившиеся на уборке урожая. Наш первый курс послужил жертвой очередного эксперимента, на картошку нас не отправили. Приступив к учебе с первого сентября, мы с Жекой ходили на занятия, не успев толком узнать своих одногруппников. Симпатии и взаимное доверие рождались в реальном времени, в условиях, приближенных к боевым.

С утра светило обманчивое сентябрьское солнце, обещая веселое начало дня. В расписании занятий стояла пара уроков по физкультуре. Сразу три группы первокурсников высыпали на городскую набережную. Девчонки кокетливо поглядывали на парней, слушая задание тренера. Пацаны рьяно изображали бывалых спортсменов. В строю слышались шуточки, глаза блестели, расправлялись плечи, втягивались животы. Физрук скомандовал старт, и студенческий табун порысачил на дистанцию в пять километров, вдоль реки и городских скверов. В сентябре погода переменчива, и вот уже

холодный ветер с реки обдувает разгоряченные лица, на асфальт падают первые капли дождя. Бег по лужам под дождем не приносил кайфа, и мы с Жекой решили сократить дистанцию, проехав обратный путь на трамвае. Такая гениальная идея посетила не только наши прекрасные головы. На остановке уже толпились взъерошенные горе-спортсмены. Мы узнали своих одногруппниц – Альберту Комиссарову и Софью Сафронову и, недолго думая, присоединились к их компании. Жека уже отвязала олимпийку, что болталась у неё на талии и предложила Альберте, физкультурная форма которой больше подходила для пляжа. Прибывший трамвай был практически пуст, раствориться среди одиноких пассажиров нашей компании явно не удастся. Проезд зайцами был возможен лишь одну остановку. Кондукторша неумолимо плыла в нашу сторону. Мне жутко не хотелось выходить обратно под дождь. По застывшим лицам Альберты и Сони было ясно, что денег в спортивных костюмах никто искать не собирается, даже для вида. Счастливая физиономия Жеки наводила на размышления, хотя отсутствие карманов на футболке и спортивках подруги явно свидетельствовало о ее неплатежеспособности.

– Алька! – Жека тронула застывшую Альберту за плечо, – в кармане посмотри, там рубль должен быть, если не вытряхнула набегу!

Альберта мгновенно опустила руки в карманы олимпийки и вытащила на свет божий помятую пачку «пчих колибри».

Жека, ничуть не смутившись продолжала весело смотреть на растерявшуюся Альку, одобряя дальнейшее исследование чужих карманов. Соня с интересом заглянула в желто-голубую пачку, сморщила носик от аромата вьетнамского табака и безмятежно игнорируя возникшую рядом кондукторшу мечтательно устремила взгляд за окно трамвая. Альберте наконец-то удалось обнаружить рубль, кондукторша обилетила нас, сменив хищное выражение лица на сонное, и мы дружно продолжили наш вояж.

По закону жанра наша четверка объединилась в подобие союза. Мы с Жекой гостеприимно пригласили Соньку и Альку посетить общежитие, согреться после физры, попить чайку и оценить всю прелесть «пчих колибри». Девчонки обрадованно согласились, так как проживая в городе, весь месяц чувствовали себя одиноко в студенческой толпе.

Подбегая к общежитию, Женька поинтересовалась у встречных ребят, кто дежурит на вахте. Услышав в ответ, что на посту несет свою нелегкую службу безобидная тетя Мотя, мы искренне обрадовались. Матильда Эрнестовна – дама сильно преклонного возраста, совершенно лояльно относилась к молодому поколению. Тетя Мотя, так называли вахтершу все без исключения, сильно смахивала на популярный в то время персонаж юмористического эстрадного дуэта – Веронику Маврикиевну. Тетя Мотя носила неизменный парик, поверх которого повязывала нелепые шали. Образ ее дополняли очки в роговой оправе с толстенными линзами,

руки были облачены в вязанные перчатки без пальчиков. На вахте студенты и гости часто становились случайными слушателями, так как старушка любила поболтать. Она редко поддерживала беседу, предпочитая рассказывать нам о делах давно минувших лет, поэтому все были уверены в том, что Матильда Эрнестовна мало, что слышит и еще меньше видит. Отсутствие какой бы то ни было агрессивности и щемящая беззащитность пожилой дамы обеспечивали ей самое вежливое отношение студентов.

Мы все разом дружелюбно поздоровались с тетей Мотей, получив ключи, поднялись на свой этаж. В тот вечер горячий чай и булка с вареньем для всей компании оказались чрезвычайно вкусным угощением. Нашу встречу, не иначе, предопределила судьба. С первого дня в компании друг друга мы чувствовали себя уютно и комфортно. Разнообразие характеров и наличие эмпатии всех четверых делало наше общение радостным и интересным. Различие взглядов и мировоззрений наполняли события всевозможными красками. С того самого дня Альберта и Софья стали завсегдатаями нашей комнаты.

* * *

Октябрь принес с собой раздачу должностей в студенческой иерархии. Мы с Жекой благоразумно скрывали свои таланты, заполняя в институте различные анкеты, предусмотрительно договорились не выдавать друг друга и при возможности избегать ответственных должностей. В школьные

годы я успела побывать председателем совета пионерской дружины, а в старших классах батрачила заместителем комсомольского секретаря школы, попутно участвуя в спортивных соревнованиях, конкурсах редколлегии, шефской работе и т.д. и т.п. Скрыв от старосты свои школьные подвиги, я наивно полагала, что можно быть свободной от всей общественной чепухи.

В один из учебных дней староста группы предупредила меня, что после занятий мне следует зайти в деканат. В тот организационный период это было абсолютно нормально, у руководства факультета постоянно возникали вопросы к студентам, которые касались устройства в общежитиях, наличия различных справок, прописки по месту регистрации.

Открыв дверь деканата, я появилась пред ясные очи заместителя декана факультета. На мою беду, это был человек культурно образованный, обладающий нехилым интеллектом и проницательностью. Данные качества напрочь лишали меня способности лгать, глядя в глаза. Поприветствовав меня, Рубежный Никита Николаевич любезно поинтересовался:

– Нам известно, что во время учебы вы состояли в школьной редколлегии? – заместитель декана дружелюбно взирал на мою перекошенную физиономию, – мы ищем студентов, кто любезно согласился бы помочь нам в подготовке факультетского вечера.

Это было фиаско! Никита Николаевич читал у нас курс

лекций по геодезии и как следствие, в будущем мы встретимся с ним на экзамене. Я промямлила что-то о находке контрразведчиков и заверила, что готова оказать посильную помощь.

Вылетев из института злая и голодная, выпустив закрылки, взяла курс на общежитие. Взлетев по лестничному маршу, не о чем так не мечтала, только как придушить Жеку. Сомнений не было, меня сдали.

Жека была дома, открыла двери и встретила меня молчанием и скорбным взглядом.

– Женька! Тебе стыдно? Друг называется, мы же договаривались! – дальше продолжать я не стала, так как видела, что Жеке стыдно до слез.

– Лина, а я решила, что это ты меня заложила! – Жека сиротливо сложила руки на груди, – я ведь комсоргом в классе была, а сегодня меня комсоргом группы избрали. Ты исчезла куда-то, а остальные радостно проголосовали за мою кандидатуру. Вот я и подумала!

Девочки мы были не глупые, обнялись и начали сокрушаться, что сразу не додумались о том, что руководству факультета было, где поинтересоваться нашими характеристиками, помимо информации в липовых анкетах. Школы охотно делились отзывами о будущих студентах, гордясь своими выпускниками.

* * *

Север! Север! Закончилась золотая осень, просто осень

закончилась тоже. Ноябрьские праздники ознаменовались по-настоящему зимним морозом. Седьмого ноября побудку в общежитии устроил декан, тем самым обеспечивая высокий процент явки на праздничную демонстрацию. Настроение было взбудораженное, наружу рвались рифмы, эмоции, ноги нетерпеливо притоптывали свежевыпавший снег. Энергия юности била ключом, казалось, что дай нам волю, и праздничные транспаранты и флаги студенты запустят на околоземную орбиту без участия ракетных комплексов. Последующие поколения исковерканного капитализма истолковали бы подобное поведение как «совдеповский фанатизм и стадный инстинкт». Но как далеки они от истины… В этом их заблуждении виноваты мы сами – бывшие пионеры и комсомольцы. Нынче не модно, звучит выражение: «Все, как один!» Мы лукавим, когда соглашаемся, что наличие пятидесяти сортов колбасы на прилавках магазинов и свобода слова – это «камильфо», а юношеский задор и труд на общее благо это – «совок».

Почему мы так легко уступаем? Прошагав большую часть жизненного пути, точно знаешь, что колбаса вредна или вовсе несъедобна, а свобода слова сводится к нескончаемому потоку бранных слов на радио и кадров едва прикрытых юных тел на телевидении. За последние двадцать лет я не слышала о возникновении интернет-бума, чтобы люди забросив работу, ночи напролет, рыскали во всемирной паутине в поисках произведения современного автора, а потом

всей страной обсуждали этот опус, судили и рядили о том, быть или не быть. Свобода слова сведена к комментариям в социальных сетях, где свобода так уничтожила или изуродовала слово, что бесполезно пытаться понять, о чем думал автор и умеет ли он это делать – мыслить.

В тот далекий нынче день, седьмое ноября, мы строились в колонны и разбирали транспаранты не для того, чтобы славить и восхищаться партийными боссами на трибунах. Мы были счастливы побыть все вместе, потому что были молоды, здоровы и беззаботны. Мы чувствовали себя так, как нынче ведут себя участники марша «Бессмертный полк Победы» или спортивные болельщики в фан-клубах и на трибунах стадионов, в едином порыве вопя: «Гоооооол!!!» Это было чудесно! Ты знал, теперь ты не один, ты среди единомышленников, среди друзей. Вместе мы – сила, отсюда приходит гордость за ВУЗ, в котором ты учишься, за город, в котором живешь, за страну, в которой тебя ждет светлое будущее. Будущее представлялось по-настоящему светлым и радостным. В этом будущем не нужно доказывать, что ты лучше других, каждый хорош по-своему, надо лишь стать счастливым.

После праздничной демонстрации колонна распалась на множество компаний, расставаться не хотелось, впереди были выходные. Во все времена, при любом общественном строе у молодежи одни первобытные желания – быть хмельными от музыки, танцев и поцелуев.

Для нас с Жекой, Альки и Сони альтернативных вари-

антов, где праздновать, не существовало. Мы отправились в студенческое общежитие, где в нашей с Жекой комнате предусмотрительно складировали к празднику дефицитные продукты и пару бутылок прибалтийского яблочного вина с чудесным названием «Abolu wins» («Оболдонус» ласково нареченное нами).

Предвкушая праздничное застолье, мы влетели на вахту, где с наших гостей, Альки и Соньки, бдительная вахтерша Баба Люба потребовала документы. Беспечная юность! Соня в очередной раз оставила студенческий билет дома! Благовоспитанная барышня никак не могла уяснить правило, что без бумажки ты – букашка! В рабочие будни обойти на посту Бабу Любу считалось высшим пилотажем, а в праздники … Эту небылицу можно было рассказывать лишь детям дошкольного возраста.

Оставив незадачливую гостью ожидать у крыльца, наша троица ринулась в общежитие в надежде найти выход из создавшейся ситуации. Выход всегда есть, а следовательно, должен быть и вход. Проверив двери с черного входа, мы убедились, что Бабу Любу врасплох не застать. Двери были заперты! Оставались окна душевой, читального и танцевального залов! Двери в душевую и в читалку заперты, ключи Баба Люба могла отдать, разве что вместе с жизнью! Заглянув в танцевальный зал, убедились, что ребята из институтского вокально-инструментального ансамбля «Бон вояж» репетируют праздничное выступление и покидать в ближайшие ча-

сы свою сцену не намерены! Крепость казалась непреступной! Под нашими окнами Сонька рисковала превратиться в снежную бабу.

Оставив Альку в комнате готовить закуски, мы с Жекой не теряя надежды, во что бы то ни стало, пытались оказать гостеприимство нашей замерзающей подруге. Несмотря на праздничное оживление и суматоху, скорость, с которой мы передвигались по коридорам общежития в поисках чуда, не осталась незамеченной. Совершая очередной виток по второму этажу, мы едва не смели с ног Элен Рубинштерн. Элен остановила нас банальным вопросом: «Куда летим, сломя голову»? Под взглядом ее разноцветных глаз, один карий, второй зеленый, мы понимали, что достойный ответ у нас отсутствует. Элен была студенткой третьего курса, взрослая, статная и степенная особа с голосом диктора телевидения. Весь ее облик и гетерохромный особенный взгляд завораживали и погружали в какую-то параллельную реальность. Я вздыхала, Жека застыла, открыв рот, мы не воспроизвели ни звука, тем не менее, от Элен последовал второй вопрос: «Парни? Девчонки?». Мы одновременно с Жекой закивали головами и снова молча застыли. Элен остановила мальчишку, сунула в руки ему консервный нож с просьбой передать его в комнату 21, еще раз смерив нас своим волшебным взглядом степенно прошествовала в направлении лестницы на первый этаж. Мы, словно двое оруженосцев, двинулись следом. Распахнув двери танцевального зала, Элен приблизилась к со-

листу группы и что-то ласково пропела юноше на ушко. Мы с Жекой никаких разумных аргументов в ее оправдание найти не смогли и были готовы, что тролли – охранники из числа старшекурсников, нанеся нам моральный ущерб, выставят нашу теплую компанию из зала. Вопреки ожиданию в зале сохранялось спокойствие, парни обменялись парой реплик, рассыпалась легкая дробь барабанных палочек и прошелестели тарелки барабанной установки… Как я люблю барабанщиков!!! Мой кумир поднялся с табурета, отдернул шторы, распахнул окно и обратил взор на нас с Женькой. Снова молчание! Я, не отрываясь смотрю на барабанщика, пребывая на вершине блаженства… И тут Жеку прорвало, бешено жестикулируя, она диктовала особые приметы Сонькиной внешности, сдавала координаты нашей комнаты, сведения сыпались, как из мешка. Мой «Кит Мун» вышел в окно и скрылся в снежной мгле. Спустя несколько минут в окне нарисовалась обозначенная Женькой личность с приличнo покрасневшим на морозе носом. Музыкант мужественно помогал нашей подруге одолеть восхождение через оконный проем.

Элен, не расплескав ни капли степенности, пожелала нам отличного праздника и по-королевски удалилась из зала. Мы, воссоединившись, пропели дифирамбы нашим трубадурам, кокетливо улыбнулись всем членам ансамбля и двинулись восвояси. Вечер обещал быть …

* * *

Первый студенческий семестр подходил к концу. Впереди нас ждала сессия. Я мысленно благодарила школьных преподов, что гоняли нас на факультативные занятия по алгебре и физике. Они потрудились на славу, поэтому все было знакомо, и, будучи студенткой, я не ощутила в первое полугодие особых трудностей.

Главная проблема новогодней сессии состояла в том, что постоянно возникала дилемма – повеселиться в компании лоботрясов, уже сдавших очередной экзамен, или же смирно идти и готовиться к своим испытаниям.

Как бы то ни было, сдав первую сессию, мы получили право называть себя настоящими студентами. Сбросив груз ответственности и заработав возможность дальнейшего получения стипендии на следующее полугодие, мы с головой окунулись в новогодние каникулы.

Наша боевая четверка и банда друзей из общаги объединились в дружном порыве провести время в зимних забавах на турбазе за городом. Наверное, все согласятся со мной, что в детстве и юности погода всегда была хорошая!

Для студентов, сдавших экзамены, одержимость и бесстрашие на слаломной трассе могут сравниться лишь с первым прыжком парашютиста, а спуски на санях, забеги и танцы на коньках – это отдельный вид спортивного искусства! Заполучив дозу адреналина, поломав пару лыж, вечер мы провели в гостинице, сражаясь в шашки и играя в карточного «козла». Да, интеллектуальный уровень забав может и

страдал, за то, сколько веселых моментов приносили нам такие развлечения!

В город возвращались уставшие, но счастливые и перед тем, как разлететься всем по домам, было принято решение провести операцию «хрусталь». Соньку и Альку назначили «звездочетами», так как они не проживали в общежитии и не имели запасов стеклотары. Остальные участники операции начали заполнять здоровенные, как баржи, сумки скопившимися за семестр пивными бутылками. Когда комнаты наши и не только наши были освобождены от несметных запасов, Соня доложила собранную сумму, Алька объявила, что этого хватит на посещение общественной бани с пивной дегустацией после парилки. Главная забота в операции хрусталь – это доставить сумки в целости и сохранности в пункт приема, иначе … Кто-то в баню не идет!

Студенческая жизнь мне нравилась! Жить самостоятельно в общаге было круто! Иметь множество друзей и приятелей – здорово! Мне было хорошо и уютно в студенческом муравейнике. Свои и чужие проблемы решались на военном совете, радости и печали делились в кругу друзей и соседей!

* * *

На вкус слово «каникулы» такое же, как и слово «свобода». Десять дней праздничного безделья в окружении любимых блюд и непрочитанных книг. Мы с Жекой мчались в родной город, бросив вещи в сумки, захватив свои зачетки и всю дорогу раскрашивали счастье незамысловатыми меч-

тами. Расставаясь, Жека взяла с меня обещание – выспаться и наесться про запас.

Обещания! Не люблю обещать! Всегда думаю, обещать легко, а выполнять непросто. Переступив порог родного дома, я почувствовала себя преступником, который не сможет выполнить данный им обет. Счастье мое скуксилось и оделось в серое.

– А вот и наша студентка! – мама раскрасневшаяся, в нарядном платье, потащила меня в гостиную, не дав снять обувь.

– Полина! Как успехи? – отец гордо восседал в центре застолья.

– Знакомься! Это родные Романа! Приехали из Новороссийска свататься к нашей Танюше! А мы подумаем отдавать ли свет очей наших, – отец под хмельком становился безудержным балагуром и задавакой.

В зале полно незнакомого народа, за столом плечо к плечу сидели моя сестричка Таня и ее жених Роман в окружении возбужденных родственников. Я улыбнулась во все тридцать два, а точнее в двадцать восемь зубов и поняла, что больше всего мне рада мама. На кухне полно немытой посуды, пышущий жаром пирог в духовом шкафу, а на столе красуется разлитое варенье.

Было радостно за сестричку, позднее расспрошу о ее будущих родственниках. Ближе к ночи навалилась усталость. Моя спальня уже была захвачена свадебными оккупантами.

– Мама, я пойду к Жеке, переночую у нее, а то тут и без меня развернуться негде? – я смотрела на мамино лицо, на ее катившиеся слезы и надеялась, что это слезы счастья, но в то же время понимала, что если покатятся мои слезы, то больше всего они будут похожи на слезы обиженного ребенка.

Клавдия Георгиевна и Клавдий Николаевич – матушка и батюшка Жеки всегда были мне рады, как родной.

– Лина, Женя, мойте руки! Пироги стынут! – Клавдий и Клавдия позвали нас на кухню пить чай из самовара. Горка из пирожков с вишней воцарилась в центре круглого стола, обещая незабываемое пиршество.

– Линка, может у меня перекантуешься неделю и вместе поедем на учебу, знаешь ведь, что родители только рады будут! – уже засыпая, Жека пыталась выступить гарантом моего каникулярного досуга.

– Спи! Я не хочу никого напрягать, да и сама напрягаться не желаю. Завтра уеду в общежитие, а ты тут отдохни и матушку с батюшкой порадуй!

* * *

Январское утро звенело и искрилось трескучим морозом. Я забралась в междугородний автобус и забилась на самое теплое место, опасаясь громко заскулить от боли, так сильно замерзли руки и ноги пока ждала автобус. Вспоминая шебутное утро, мамину суету вокруг меня и прощание с новоявленной родней, я постепенно согрелась. Солнце поднялось над верхушками мелькавших за окном деревьев, залив го-

ризонт багрянцем. Всегда любила дорогу. В дороге обдумывались различные вопросы и находились непростые решения. Настроение становилось философским, мысли выстраивались в очередь, слова складывались в рифмы и нередко рождались стихи…

В общежитии было непривычно пусто и тихо. Безобидная вахтерша – тетя Мотя добросовестно дремала в кресле и была рада перебросится со мной словечком. От нее я узнала, что Элен Рубинштерн сейчас живет в общежитии. Закинув сумку в свою комнату, я понеслась на второй этаж, постучав в двери с номером 21, вломилась, не дожидаясь приглашения. За столом сидел военный с лейтенантскими звездочками на погонах. Увидев мою изумленную физиономию, поприветствовал меня первым.

– Если что-то срочное, то Лена на кухне, – сказал парень, улыбнувшись в усы.

Я промычала что-то благодарственное в ответ и направилась на кухню.

Элен, как обычно, сама невозмутимость, поприветствовала меня, переворачивая лопаткой картошку на сковороде.

– У тебя гости? – спросила я, протягивая горящую спичку, давая прикурить Элен.

– А-а, вы незнакомы! Это Сергей – мой муж, – ответила Элен, лукаво щуря свои каре-зеленые глаза.

– Предупреждать надо, я чуть сигарету не проглотила, – закашлявшись, утерла набежавшие слезы, – замуж вчера вы-

шла?

Элен, рассмеявшись, поведала мне историю их семьи.

Сергей Рубин тоже был студентом нашего института и жил в этом общежитии, он старше Элен на три года, в прошлом году закончил ВУЗ и был направлен на службу в ряды советской армии. Елена Штерн – девчонка из крымского села, поступила в институт и поселившись в общежитии, встретила Сергея.

– Мы влюбились с первого взгляда и у меня никогда не возникали сомнения, что я могла встречаться с кем-то другим, – взгляд таинственных глаз теплел и плавился, когда Элен говорила о муже.

– Я была уверена, что твоя фамилия – Рубинштерн, а звать тебя Леной у меня язык не поворачивается – я озадаченно смотрела на подругу. – Имя Элен – это, явно, твоё.

Элен улыбнулась. – Да, я и сама уже привыкла! Если зовут меня: «Елена Михайловна!», – то мало кто понимает вокруг к кому это обращаются. – Нас всегда считали парой, а мальчишки и фамилии наши скрестили, чтобы ни у кого не было сомнений, что я девушка Рубина. – Мы расписались на 23 февраля в прошлом году, так что у нас скоро годовщина свадьбы, – Элен прикрыла сковороду крышкой. – Пойдем! Перекусим за компанию, а потом мне Сережу провожать, – грусть в голосе Элен царапнула по душе, словно наждачка по беззащитной коже.

* * *

Каникулы пролетели, пронеслись и превратились в воспоминания. Жека – красавица, нарисовалась на пороге комнаты, не сотрешь. В новой дубленке и шапочке, прямо вылитая девочка-снегурочка, однако ухмылочка и радостно сверкающий взгляд наводили на сравнение с маленькой разбойницей из сказки Андерсена.

Начало семестра – пора расслабления! Долги по учебе обнулились, а новые еще предстоит накопить. Начало семестра – это как разминка перед прыжком в воду с высоты! Всю траекторию полета прокручиваешь в голове, зная, что тело натренировано четко ответить на старте, но в какой-то момент рождается соблазн испытать что-то новое?

Так и у меня, каждый семестр начинается с тщетных надежд на примерное посещение лекций, своевременную подготовку курсовых, сдачу коллоквиумов и контрольных работ. В какой момент эти намерения перестают быть приоритетными, навсегда останется для меня тайной.

Жека мужественно вырубила немилосердно голосивший будильник. Я, выглянув из-под одеяла, оценила разыгравшуюся за окном февральскую метель.

– Жека! Сегодня – пятница, у нас только лекции! Я остаюсь дома! – причин покидать теплую берлогу не было.

– Кто бы сомневался! – Жека мутузила свою пышную подушку, укладываясь для дальнейшего просмотра сериала киностудии Морфей.

Как волшебно нежиться в тепле и уюте под завывания вет-

ра. Даже «кошки» безответственного отношения к учебе не смели скрести мою душу в такую непогоду. Веки смежились …

Когда я вновь открыла глаза, откинув угол одеяла, в лицо пролился поток искрящегося солнечного света. За окном воцарилась застывшая прелесть зимнего дня. Деревья забинтовались в жемчуга, ветер удалился вовсе, а соседние здания напялили чудовищного фасона снежные шапки.

– Вау! Жека, смотри! Мы в царстве снежной королевы! – связанное в узел полотенце полетело на соседнюю койку.

– Угу! А должны быть в царстве высшей математики! – Жека всегда сокрушалась о пропущенных учебных часах.

– Ты тщетно пытаешься призвать мою совесть к ответу! Она уже утопилась в сугробе! – я забрала свой полотенечный снаряд, зубную щетку и ринулась в умывальник.

Позже, налюбовавшись скорым завершением морозной сказки, выпив чая, мы с Жекой радостно встретили доблестных учениц. Алька и Соня поделились записями пропущенных нами лекций.

– У математички что, ларингит? – Жека перелистывала две исписанные страницы Алькиной тетради. – Что-то скупенько!

Лицо Соньки осветилось загадочной улыбкой, – Девчонки, мы же вам не рассказали, что сидели на лекции рядом с Шустовым, – Сонька мечтательно закатила глаза. – Он книгу принес «Поющие в терновнике», рассказывал нам о сюжете,

в общем, из-за этих австралийских страстей никто лекции и не писал!

– Очкастая грымза захотела незаконно завладеть фолиантом! – Алька с довольным видом присоединилась к повествованию, – но Шустов моментально среагировал и убрал книгу в сумку! – Ох, как грымза ярилась!

Алькина улыбка не сходила с лица, видно было, что «сникерс» всей истории еще не распечатан, – математичка кричала, что вызовет отца Шустова в деканат, а Шустов стоял – несгибаемый и молчал! И вот очкастая грымза задает смертельный для дедукции вопрос: «Шустов, как фамилия вашего отца?» От дружного взрыва смеха дрогнули стекла в рамах.

Близился вечер. Алька и Сонька разбежались по домам. В моей душе бушевали нерастраченная энергия и беспощадное любопытство, посеянное рассказом о героях романа Колина Маккалоу «Поющие в терновнике».

Жека собрала вещи для стирки и ушла в прачечную. Мне срочно требовалось занять себя чем-то в преддверии выходных. Любая художественная беллетристика в студенческом общежитии не залеживается на одном месте, она передается из рук в руки, совершая круговорот по комнатам студентов. Как правило, через определенный промежуток времени, все это чтиво становится тебе известно и неинтересно.

Идея с походом в библиотеку была отнюдь не нова. Студенты частенько пользовались читательскими билетами друг

друга. Пробежав по соседним комнатам в поисках любителей библиотек, остановила свой выбор на Валюшке. Она чувствовала себя не совсем здоровой, а книги в библиотеку пора было сдать уже неделю назад.

– Полина, а ты знаешь, где Маяковка находится? – спросила Валюша, собирая библиотечные книги.

Открытие библиотеки имени В.В. Маяковского было торжественным и стало наиболее известным городским мероприятием прошедшего года.

– Ого! Значит, ты уже успела в новой библиотеке оформиться? – порадовалась я, – заодно и познакомлюсь с городской достопримечательностью!

Я забрала Валюшкины книжки, одновременно приняв заказ на новые произведения, и ушла одеваться к себе в комнату. Общежитие, на то и общежитие! О том, что я иду в библиотеку стало моментально известно. Посыпались предложения и запросы на романы, повести и стихи. Прибежала Валюшка, чтобы напомнить мне о правилах: «Больше четырех книг в одни руки на один читательский срок не дают!».

Запомнив пять – шесть названий заказанных произведений, я отправилась в путь. Библиотека находилась на другом конце города в новой его части и представляла из себя огромное трехэтажное современное здание. Войдя в этот храм литературы, я предъявила читательский и отправилась в гардероб. Сдав шубу и сумку, забрав книги я поднялась на второй этаж по широченной лестнице, ощущая себя золуш-

кой во дворце короля. Анфилады залов, заполненных светом шикарных люстр, книжными полками и стеллажами, погрузили меня в гипнотическое состояние. Книжные магазины, библиотеки и читальные залы всегда наводили на меня восхитительное возбуждение, но сегодняшнее посещение было с родни попаданию бедного Али-бабы в пещеру разбойников. Словно сомнамбула я плыла от стеллажа к стеллажу, не в силах остановиться и начать изыскания нужных книг. Какая-то добрая женщина, взяв меня за локоть, направила к столу, где другая особа освободила меня от ненужных книг. Продолжив свое шествие, перетекая из зала в зал в качестве загадочной субстанции, я погружалась в чтение различных прологов и эпилогов, не в силах отдать предпочтение тому или другому произведению. Книжный гипноз не был разрушен просьбой одной из муз литературы, помочь мне с выбором книг. Я охотно откликнулась на ее просьбу, перечисляя названия заказанных произведений. Спустя некоторое время строгая дама, отметив в формулярах мой читательский номер, выдала мне шесть фолиантов. Где-то в глубине души ворохнулось чувство несоответствия правилам – выдавать лишь четыре книги.

– Что за чушь! – подумала я, и так как держать в руках все это богатство было неудобно, ринулась к уединенному столику с мягким креслом. Распахнув мир, созданный Колин Маккалоу, я утратила чувство реальности. Очнувшись и поняв, что времени прошло немало, решила как можно ско-

рее переместиться домой и продолжить чтение. Собрав книги в охапку, со светящейся от счастья физиономией я отправилась в гардероб. Улыбаясь своей удаче, натянула шапку, застегнула шубу и замотавшись шарфом, сложила свои сокровища в сумку. Галантно распрощалась с гардеробщицей и вахтером и провалилась в снежную ночь.

Время было позднее, но книголюбы мужественно ждали свои заказы. Я раздала книги, вернула читательский билет Валюшке, и устроившись поудобнее в подушках погрузилась в чтение. Жека, заняв в очереди почетный первый номер на прочтение поющих в терновнике, отправилась спать. Блаженство! На завтра была суббота…

Стук в двери был не родной, но чужой и зловещий. Студентам не доступно извращенное равнодушие к спящим в субботнее утро. Тишину спящего этажа вновь нарушил дробный стук в нашу дверь. Ничего не поделаешь! Напялив тапки с помпонами и одернув фланелевую пижаму с собачками, я медленно брела к входной двери, сокрушаясь о ранней побудке в девять тридцать утра. Жека, наблюдая за моими перемещениями, облегченно вздохнула, перекатилась на другой бок, в надежде продолжить прерванный сон.

Изобразив вселенское мучение во взгляде, я повернула в замке ключ и распахнула двери…

Если сильно удивившегося человека удастся удивить тут же заново, но еще сильнее, то это и будет то состояние, короче – шок! В дверях стояла бледная Валюшка со следами слез

на румяных щеках. Следом за Валюшкой возвышался милиционер в тулупе при погонах, далее колыхались два шубных кокона, обернутые в пуховые платки, из которых выглядывали мутные стекла очков. Замыкали процессию вахтерша баба Люба и едва проснувшийся студент Колька – председатель студенческого совета общежития.

– Товарищ участковый, это – она! – из кокона слева донесся слабый шепот.

– Это, точно, она! – эхом отозвался кокон справа.

– Романовская Полина? – я охотно согласилась, – на вас поступило заявление, о том, что вы обманным путем вынесли книги из читального зала городской библиотеки имени Маяковского…

Доказывать, что ты не верблюд нужно до тех пор, пока ты действительно не верблюд. Ситуация, когда всем с порога ясно, что ты верблюд, в инструкции не описана. Обманным путем! Под чужим именем! Из читального зала!

Субботнее утро не сложилось и у других книголюбов. Мне пришлось биться в двери этих книгочеев и убеждать сдать их литературу, пока меня не заковали в кандалы как злостного расхитителя государственного имущества.

То ли Валюшкины слезы, а может и моя пижама с собачками, но что-то убедило нашего участкового, что мы не имели злостного умысла – расхищать библиотечный фонд с целью наживы. Объяснение было простым, незатейливым. Объявившись впервые в новом здании библиотеки, я так бы-

ла очарована книжным царством, что вовремя не разобралась, где находился отдел выдачи книг, а где располагались читальные залы. Шубные коконы, понимая, что сами прохлопали книжного вора, не требовали расправы и тщательно сверив номера книг с формулярами, поспешили удалиться. Участковый, удачно раскрыв преступление и неудачно спрятав усмешку с лица, тоже поспешил покинуть нас. Баба Люба, насытив любопытство, сразу удалилась на свой пост, а Колька, уяснив, что официальной бумаги не будет и о выселении жильцов речи не идет, вернулся в свою комнату.

Вскипятив чайник, заварив чай, Жека, Валюшка и я уселись завтракать и держать военный совет. За нарушение правил путь в библиотеку был заказан не только мне, но и Валюшке. Во имя восстановления справедливости было решено, что Жека запишется в библиотеку и ее читательский билет мы торжественно вручим Валюшке, а она никому и ни за что на свете не отдаст его в чужие руки.

* * *

Февраль сменил гнев на милость. День прибывал, солнце, хотя и ненадолго, радовало нас своим сиянием, пригревая сквозь оконные стекла и обещая, что не за горами первая капель.

В общежитии на нашем этаже в конце коридора находилось небольшое подсобное помещение. Эту каморку постоянно кто-нибудь эксплуатировал в своих целях. Одно время любители оборудовали там лабораторию для проявки фото-

пленки и печати фотографий. Другое время каморка переходила в пользование местной редколлегии. В этот год ключом от заветной каморки завладела студентка третьего курса – Светка. Девчонка приехала учиться из района и как мы позже узнали, была круглой сиротой. Дома у нее осталась старенькая бабуля, которая аккуратно снабжала ее картошкой. Светка жила на стипендию, любой согласится, что молодой девушке недостаточно для жизни такого скудного пансиона. Завладев ключом от заветной площади, Светка привезла из дома швейную машинку и успешно развила кустарную деятельность. Шила она прилично, одевалась сама и другим ребятам помогала с пошивом и ремонтом одежды. За полгода сумела обзавестись кой-какой клиентурой. Брала заказы, шила и перешивала за оплату. По ночам ее часто можно было застать в мастерской. Я – абсолютная «сова», быстро сумела присоседиться к Светке и под монотонное цоканье старого «Зингера» читала в каморке книжки или переписывала лекции, чтобы не нарушать сладкий Женькин сон. Светка – не любительница вести задушевные беседы, я не выныривала из своих книжек, поэтому, чаще всего в каморке была тишь и благодать. Прерывали мы свои занятия, когда решали, что пора выпить по чашке чая или подымить в открытое окно. Если Светка была занята и не приходила в каморку, то запросто вручала мне ключ от мастерской, зная, что я не трону все ее драгоценные катушки, шпульки, иголки.

Дверь в каморку была разбитая и скрипучая, открывалась

лишь после усиленного рывка на себя, частая смена замков и хозяев способствовала тому, что вход в каморку стал похож на вход в преисподнюю. Лишь большое отверстие от предыдущего замка, позволяющее без усилий увидеть сквозь него всю комнату, полностью истребляло всякую двусмысленность назначения данного помещения.

– Лина, ко мне идет заказчик, он уже поднимается по лестнице! – Светка ворвалась в мастерскую, говорила с придыханием, и было ясно, что она бежала, чтобы опередить своего клиента. – Я не успела ушить его китель! – Давай я метнусь в умывальник, а ты скажи, что я срочно уехала из города и пусть он зайдет в четверг?

– Беги! Прячься! – я уселась напротив двери и приготовилась огорчить неудачливого заказчика.

Светка метнулась к двери, но сквозь отверстие увидела приближающегося клиента, сделала мне знак – «молчать», схватила с полу тряпку, развернула ее, заслонив отверстие в двери и застыла сама. Раздался стук в двери, мы со Светкой замерли, изображая полное отсутствие кого-либо, затем дверь заскрипела и распахнулась. На пороге стоял мичман, а перед ним, не дыша, с развернутой половой тряпицей застыла наша портниха-Яниха.

От смеха я не усидела на табурете, Светкой овладела икота и наше дружное лошадинно-ослинное ржание растопило сердце морского волка. Он понял, что мы хорошо замаскировались, но одна промашка – забыли закрыть двери на

ключ! Мичман был дядькой в возрасте, он легко простил Светке ее необязательность и согласился подойти в другой день.

* * *

Приближалось двадцать третье февраля. В общежитии готовились к вечеру, посвященному защитникам отечества. В курилке стоял дым, хоть топор вешай. Девчонки на все лады сочиняли поздравительные выступления для наших парней. Все студенты мужского пола проходили обучение на военной кафедре и по окончании института им присваивались звания лейтенантов.

Элен сидела на подоконнике, курила и молча читала письмо. Отрешенность во взгляде подруги заставила меня вспомнить недавнюю встречу с Сергеем Рубиным и грядущую годовщину их свадьбы.

– Письмо от Сереги? – я устроилась рядом на подоконнике.

– Зовет в гости, скучает! – Элен устремила взгляд за окно.

– Поезжай! Договорись со старостой, прикроют! – уверенно заявила я. – Думаю, на праздники никто из преподов зверствовать не будет.

Элен устремила на меня свой таинственный взгляд. – Да, я тоже так думаю! Но проблема не в этом. – Одной неловко там будет, Сергей уйдет на дежурство, буду сидеть три дня и заняться нечем! – Это же не городской гарнизон, кругом тайга, медведь – хозяин. Сергей в доме не один живет, их

шесть офицеров в одном бараке. Магазинов там нет, стол не накрыть. Какой-то неправильный праздник получается.

– Да, маловато радости! Надо добавить! – шальная идея в моей голове родилась спонтанно. – Звони Сереге, спроси, примут ли они гостей на праздник!

Улыбка Элен озарила скудно освещенное помещение.

На боевой клич откликнулось семь человек. Откликнулось много больше, но победил здравый смысл и набор добровольцев пришлось прекратить досрочно.

– Было бы лето! Разбили бы свой палаточный лагерь! – мечтательно заявила Жека.

– Ага, а так как на дворе зима, придется солдат из казарм выселять, в тон Жеке продолжила Сонька.

– Думаю, солдаты будут сопротивляться до последнего, учитывая неземную красоту, свалившуюся посреди тайги, – скептически протянула Алька, разглядывая подруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.